

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

О.Г. Харитонова

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
просп. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена состоянию современных сравнительных исследований в области политических режимов, режимных изменений и перспектив демократизации поставторитарных государств. Отмечено, что главная методологическая проблема в исследовании политических режимов и в использовании режимной переменной в сравнительных исследованиях заключается в концептуализации, классификации и операционализации режимов, в которых происходят или не происходят изменения. Представлен анализ типологий недемократических режимов и особенностей функционирования однопартийных, военных и персоналистских режимов, дана оценка перспектив демократизации каждого типа авторитаризма. Подчеркнуто, что каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и отличительную внутреннюю динамику и, соответственно, следует собственной траектории изменений. Особое внимание уделено гибридным режимам как наиболее концептуально размытой категории. Показаны методологические трудности изучения режимных изменений, включающие растяжение концептов, концептуализацию успешных и неуспешных событий и отбора потенциально релевантных казусов для увеличения числа изучаемых случаев, поскольку изучаемые события относятся к редким. Продемонстрированы преимущества и недостатки структурного и процедурного подходов при исследовании режимных изменений в контексте теорий демократических транзитов.

Ключевые слова: политический режим, режимное изменение, концептуализация, операционализация, структурный подход, процедурный подход

Несмотря на большой интерес к проблематике политических режимов и режимных изменений и огромное число исследований, посвященных этой теме, компаративисты так не смогли прийти к согласию по ряду существенных вопросов. Концептуализация, классификация и операционализация политических режимов, концептуализация и типология режимных изменений и оценка их результатов, методология исследовательских подходов к режимным изменениям по-прежнему таят в себе немало интеллектуальных вызовов. В связи с этим мы хотели бы предложить читателю анализ современного дискурса в этой сфере, тем более актуального, что он непосредственно связан со многими острыми вопросами политической практики.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ

Типологизация политических режимов продолжает оставаться важной научной задачей. Здесь часто используются дихотомия (авторитаризм — демократия) и трихотомия — подразделение режимов на три типа (1). При использовании

дихотомии главной проблемой будет определение границ между категориями, при использовании трихотомии — концептуализация и операционализация промежуточной категории — гибридного режима. Так, при ранжировании режимов по шкале проекта Полити (*Polity*) (2) ранги от минус пяти до плюс пяти могут означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных этого индекса (открытость рекрутирования, соревновательность, регулирование участия).

Гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Леонардо Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у Стивена Левицкого и Люкана Уэя или «электоральный авторитаризм» у Андреаса Шедлера) представляют собой полудемократии разного типа, от приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма и соревновательности систем с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства для превращения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, организующих выборы, но нарушающих гражданские права своих граждан. Главное отличие подобных режимов от настоящих автократий — это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полуконфиденциальности, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны (3) и несут в себе самые высокие риски режимных изменений.

Диверсификация свойственна и негибридным режимам. По классическому утверждению Барбары Геддес, «авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии» [7. Р. 121]. Многие авторы выделяют такие отдельные типы авторитарных режимов, как однопартийные, военные и персоналистские. Эти режимы не ранжируются и представляют собой отдельные категориальные (номинальные) переменные. В военных режимах все решения принимаются армией — институтом, регулирующим доступ ко всем ключевым властным постам. Военные режимы обычно имеют коллективное руководство в форме военной хунты, в которую входит высшее руководство разных родов войск, причем каждый член хунты опирается на поддержку стоящих за ним частей. Самую большую угрозу для лидера режима такого типа представляют другие военные группы, обладающие возможностями провести контрпереворот. Получая власть нелегальным и нелегитимным способом, «военные режимы несут в себе источник своего разрушения» [7. Р. 131].

Основной характеристикой однопартийных режимов у Геддес является несменяемость власти, которую обеспечивает получение партией на выборах более двух третей голосов избирателей [6]. Под это расширенное определение подпадают

не только режимы с одной партией, но и формально многопартийные режимы, в которых доминирует одна партия или коалиция. Несмотря на легальную соревновательность и функционирование других партий, партия власти в течение продолжительного периода контролирует всю политическую сферу, так как постоянно выигрывает выборы. Другие политологи (например, Аксель Хадениус, Беатрис Магалони) разделяют однопартийные режимы на чисто однопартийные (с одной единственной партией) и режимы с доминирующей партией, при которых в парламенте могут быть представлены и другие партии; последние часто становятся сторонниками правящей. Попытки операционализации режима с доминирующей партией сводятся к определению минимального количества лет пребывания партии у власти (20 лет).

Ряд политологов (Сэмюэл Хантингтон, Барабара Геддес, Эрика Франц) вслед за Хуаном Линцем, отнесшим султанистские режимы к отдельному типу недемократического режима, также выделяют персоналистские режимы. Другие (Аксель Хадениус, Дженнифер Ганди, Беатрис Магалони) рассматривают персонализм как черту всех авторитарных политических режимов. Действительно, большинству авторитарных режимов присуща персонификация власти и, соответственно, черты персонализма [6].

Выделение отдельных типов авторитаризма оправдано, так как каждому из них свойственны свои правила игры и свои акторы (военная хунта, политическая партия или лидер), которые принимают основные решения и регулируют доступ к ключевым постам. Существующие правила определяют поведение игроков и влияют на логику сохранения, распада или реформирования авторитарного режима. Однопартийные режимы выживают благодаря единству правящей (партийной) элиты, кооптации оппозиции и мобилизации граждан в поддержку режима. Именно этим объясняется их устойчивость и нежелание лидеров предпринимать какие-либо шаги по пути демократизации.

«Чистые» типы недемократических режимов бывает сложно выделить, так как военные хунты часто выживают при поддержке партии, а в однопартийных режимах могут быть харизматические лидеры, персонифицирующие власть. Для Хантингтона все недемократические режимы представляют собой комбинации однопартийных, военных и персоналистских элементов, поэтому он определяет тип режима по преобладающему элементу. Геддес концентрирует внимание на логике выживания недемократических режимов и поэтому отдельно изучает чистые типы и их сочетания. По ее мнению, сочетания всегда сохраняются лучше. Так, персоналистские режимы с элементами военного и однопартийного режимов «могут рассчитывать на вечность» (более 30 лет) [7. Р. 133].

Исследование Адама Пшеворского и Дженнифер Ганди показывает, что недемократические режимы склонны к самовоспроизводству: после военных режимов появляются новые военные режимы, а на смену гражданским диктатурам приходят новые гражданские диктатуры [5].

Каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и внутреннюю динамику, поэтому изменения в них происходят по-разному. Однопартийные режимы редко трансформируются в демократии: только 19% таких режимов осуществили этот переход, остальные либо распались в результате военных перево-

ротов (39%), либо трансформировались в режимы с доминирующими партиями (33%). Лучшие показатели демонстрируют режимы с доминирующими партиями, 29% из них перешли к демократии [13. Р. 130—131].

Доминирующая стратегия однопартийных режимов направлена на предотвращение протестов и подавление требований перемен, их лидеры готовы начать либерализацию и далее демократизацию только в случае давления «извне» или «снизу», причем только однопартийные режимы «под давлением» обладают потенциалом к транзиту на основе переговоров и уступок. Это объясняется тем, что, с одной стороны, попытки удержания власти приводят к компромиссу в процессе демократизации, а с другой — переговоры могут предотвратить насильственное свержение, обеспечив достойный уход из политики. Именно благодаря тактике сохранения инициативы в транзите многим бывшим партиям-гегемонам удается сохранить свои позиции и в новых демократиях.

В военных режимах демократические реформы могут начинаться после внутренних расколов и, как демонстрируют сравнительные исследования, имеют больше шансов на успех, особенно при повторной попытке демократизации. Эти режимы могут согласиться на демократический транзит и переход к гражданскому правлению в случае получения гарантий соблюдения корпоративных интересов армии (единство и честь) и наличия договоренностей об отсутствии наказания за преступления против человечности, совершенные во времена военной диктатуры. Поскольку такие гарантии легче получить, если военный режим сам инициирует переход к демократии, оптимальными моделями для демократического транзита являются модели, начатые «сверху» (трансформация) или одновременно с двух сторон (трансмена).

В персоналистских авторитарных режимах решения всегда контролируются единолично лидерами, и оппозиционные личности, в редких случаях появляющиеся в их окружении, практически не имеют шансов организовать успешные реформы. Большинство персоналистских режимов распадаются после смерти вождя, поэтому для сохранения преемственности им часто приходится создавать партии и парламенты и вводить институт выборов, что может привести к их трансформации в однопартийные режимы или режимы с доминирующей партией. Анализ Геддес демонстрирует, что персоналистские режимы наименее склонны начинать демократические реформы и осуществлять основанный на переговорах транзит. Таким образом, смещение личных диктатур чаще всего осуществляется насильственным способом в результате массовых волнений, протестных действий, революций, гражданских войн и внешнего вмешательства, поэтому на смену диктатуре редко приходит демократия.

Какие научные проблемы вызывает концептуализация и операционализация режимных изменений?

РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Недемократические политические режимы распадаются в результате гражданских войн, мятежей, переворотов, революций, массовых протестов, реформ и выборов, а также вследствие действий демократически избранных президентов

и внешних акторов. Наиболее изученными типами режимных изменений являются демократические транзиты, перевороты и гражданские войны, так как эти события происходили достаточно часто и затронули все регионы мира. В период с 1946 по 2010 годы большинство (35%) изменений авторитарных режимов (4) произошло вследствие военных переворотов. Другие варианты распадов включали: проигранные лидером выборы (13%) (5), ненасильственные протестные действия «снизу» (17%), организованный вооруженный конфликт (6) (8%), действия внешних акторов (5%), распад государства (2%) и иные изменения, инициированные «сверху» (8%).

В течение длительного времени перевороты были главным инструментом смещения диктаторов, поэтому их приравнивали к регулярной смене власти в авторитарном режиме, не предоставляющем альтернативных возможностей для замены лидера. Однако, как отмечают Джонатан Пауэлл и Клейтон Тайн, в четырнадцать имеющихся в наличии базах данных переворотов используются разные подходы к концептуализации переворота: по целям (смена только диктатора или всего режима), по участникам (только армия или часть политической элиты), по применяемым стратегиям, по уровню насилия и результатам [16. Р. 250]. Исследователи делают вывод об отсутствии согласованного определения, позволяющего отделить перевороты от других способов смены власти. Сами они определяют перевороты как «нелегальную попытку военных и других элит свергнуть действующего лидера» [16. Р. 252]. Такое определение содержит цель (лидер), указание на акторов (члены элиты, государственный аппарат, армия) и способ (нелегальный), что позволяет отличить перевороты от автопереворотов, революций, политических убийств и внешних интервенций.

Для операционализации гражданских войн используется классическое определение Дэвида Сингера и Мела Смолла в проекте «Корреляты войны» (7): во-первых, гражданская война приводит к не менее чем 1000 боевых жертв в год (причем на каждую из сторон приходится не менее 10% жертв); во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство; в-третьих, присутствует эффективное сопротивление обеих сторон конфликта; в-четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Эта общепризнанная операционализация позволяет отличить гражданские войны от переворотов, террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как например классифицировать гражданские войны, в ходе которых основные акторы изменились: как одну долгосрочную войну или несколько отдельных последовательных военных конфликтов. Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным результатам и, соответственно, выводам.

С каждым годом в мировой политике сокращается число попыток переворотов, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадаются вследствие оппозиционных движений «снизу». Социальные революции, «бархатные революции» и «цветные революции» представляют собой свержение

действующей политической элиты, получающее легитимацию благодаря широкой поддержке населения. Но они не являются революциями в классическом понимании, поэтому многие исследователи говорят о «революциях с прилагательными» как подвидах революций.

Использование прилагательных не позволяет решить классическую проблемы компаративистики — «растяжения концепта» (когда «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» (Джованни Сартори), так как «прилагательные» не позволяют зафиксировать основные признаки концепта. В данном случае проблема заключается не в атрибутивных характеристиках, а в самом предикате, который по сути не является «революцией». Марк Томпсон вводит термин «демократические революции», которые он трактует как спонтанные мирные межклассовые народные выступления, приводящие к свержению диктаторов, к процессу демократического транзита и к консолидации демократии [20. Р. 1]. Дэвид Лейн называет «цветные революции» революционными переворотами, так как высокий уровень участия элиты, контрэлиты и масс (в качестве аудитории) ведет к обновлению элиты, но не к широким политическим и социально-экономическим изменениям [12. Р. 529], которые обычно сопровождают революции.

При исследовании режимных изменений каждый компаративист должен решить методологическую дилемму, связанную с операционализацией. С одной стороны, при добавлении характеристик уточняется концепт, но одновременно уменьшается число исследуемых случаев. Например, если понимать под цветными революциями постэлекторальные протестные движения, организованные оппозицией с целью восстановления ранее провозглашенных режимом институциональных основ демократии (нарушенных этим же режимом в ходе выборов) и приведшие к смене лидеров, то число таких революций сокращается до пяти (8), что не позволяет провести количественное исследование причин цветных революций. С другой стороны, растяжение концепта позволяет увеличить число рассматриваемых случаев, однако при таком подходе некоторые независимые переменные, значимые для событий только определенного типа, будут незначимыми для всех исследуемых событий. Так, этнический состав населения и степень этнорелигиозной фрагментации или поляризации, значимые при анализе начала и продолжительности этнических войн, потеряют статистическую значимость при исследовании всех гражданских войн в целом (об операционализации этнических и гражданских войн см. [2. С. 35—42]).

В большинстве исследований случаи подбираются по зависимой переменной, связанной со свершившимся событием или попыткой события. Однако режимные изменения являются редкими событиями, что составляет методологическую проблему компаративистики (9). Из-за невозможности учета всех возможных наблюдений для верификации и фальсификации исследователям необходимо определиться с набором релевантных случаев. Джеймс Махони и Гэри Герц считают, что для достижения лучших результатов при изучении редких событий необходимо использовать «принцип возможности»: включать в анализ случаи, релевантные по значению независимых переменных, и исключать случаи, которые имеют значение переменной, делающее результат невозможным. Это позволит увеличить число наблюдений, отделить негативные наблюдения от иррелевантных и прийти к более достоверным результатам [14. Р. 657].

Исследователи режимных изменений сталкиваются с еще одной методологической проблемой при классификации успешных или неуспешных событий. Так, в парадигме демократического транзита режимное изменение будет успешным в случае, если оно приводит к смещению авторитарного режима и установлению демократии. В итогах цветных революций наблюдается больше преобладания, чем изменений [9. Р. 306], что не позволяет говорить о каком-либо демократизационном эффекте. Соответственно, они будут классифицированы как неуспешные. В результате одних и тех же событий на смену одной диктатуре может прийти другая, а демократия может стать следствием новой последовательности событий, причем демократия тоже может распасться после нескольких лет стабильного функционирования. Поскольку успех события не может определяться ни свержением авторитарного режима, ни установлением демократии, большинство исследователей операционализируют успешные и неуспешные события через достижение целей события (но не целей акторов, так как заявленные цели могут отличаться от реальных).

Так, если целью переворота является смена действующего режима, успешным будет переворот, приведший к достижению именно этой цели. Успешным принято считать переворот, после которого новые лидеры удержали власть минимум неделю [10. Р. 567]. Большинство исследователей придерживаются именно такого рубежа, однако в базе данных Монти Маршалла (проект Полити) этот период продлен до 1 месяца.

Компаративисты должны решить, рассматривать ли им как успешные, так и неуспешные события, либо ограничиться только успешными. В первом случае исследователь может изучать причины всех попыток событий, во втором — причины успешных событий. Этот выбор связан с исследовательским вопросом, но он приводит к изучению разных случаев, что может привести к разным результатам исследования. Поскольку причины, вызвавшие попытки события, независимо от результата могут быть одинаковыми, неуспешные события не менее важны для понимания динамики политических процессов. Однако большинство исследователей рассматривают только успешные события, так как изучать неуспешные события в авторитарных режимах сложно: если организаторам не удастся покинуть страну, их ждут репрессии. В итоге ученым придется анализировать одностороннее видение и подачу события действующим режимом. Это относится к неуспешным восстаниям, переворотам и революциям. Еще один неизученный сегмент режимных изменений относится к несовершившимся событиям, например, заговорам. Так, раскрытые заговоры или предотвращенные перевороты не относятся к неуспешным переворотам, и их редко изучают, так как изучать заговоры в авторитарных режимах еще сложнее, чем неуспешные перевороты.

Распады авторитарных режимов не означают автоматического перехода к демократии. Так, в период с 1990 по 2012 гг. только 30% переворотов завершились демократическим транзитом, при этом в 50% случаев авторитарный режим сохранился [11. Р. 42]. Для сравнения: смещение диктатур в результате массовых протестов приводит к демократии в 85% случаев [11. Р. 41]. Это дает многим политологам основание говорить о долгосрочных перспективах демократизации «снизу».

Некоторые авторы включают повстанческие действия «снизу» в список переворотов, так как по результату перевороты имеют много общего с восстаниями, поскольку перевороты могут перерасти в восстания. По мнению Пауэлла и Тайна, перевороты, возможно, являются катализаторами демократизации или, по крайней мере, не усиливают степень авторитаризма.

Влияние попыток переворота на демократизацию наиболее сильное и значимое в сильных автократиях и в режимах, лидеры которых продержались у власти минимум 8 лет [17]. Политические режимы, неуязвимые для попыток переворотов, могут не опасаться революций, так как пока лидеры могут сохранять лояльность армии, их революционно настроенные оппоненты не имеют шансов на свержение лидера [3. Р. 595].

Классики транзитологии Гильермо О’Доннелл и Филипп Шмиттер, наоборот, считали, что выбор революционного пути (*via revolucionaria*) уменьшает перспективы политической демократии. Неконтролируемая мобилизация будет препятствовать переговорному транзиту, поэтому результатом в этом случае будет либо жестокое подавление революционного движения сторонниками жесткой линии, либо насильственная победа революционно настроенных радикалов. По их мнению, было бы «желательно, чтобы политическая демократия достигалась без мобилизованного насилия и драматической непоследовательности. Передача власти группе своих сторонников или отказ от власти после переговоров с умеренно настроенными оппонентами обладают большим потенциалом для установления или консолидации демократии, чем «свержение» непримиримыми антагонистами» [15. Р. 11]. Оптимальная модель транзита (начиная с модели Данкварта Растроу) включает пакт — соглашение между отдельными акторами, определяющее (или переопределяющее) правила игры на основе взаимных гарантий соблюдения «жизненных интересов» сторон [15. Р. 37], что увеличивает вероятность перехода к демократии.

Теории ненасильственных протестных действий развивались отдельно от теорий демократических транзитов, так как авторы фокусировались на разных зависимых переменных. Исследователи транзита рассматривали насильственные и ненасильственные формы переходов к демократии, теоретики ненасильственного протеста — способы свержения диктатуры. Первые изучали способы разрешения конфликта через введение демократических процедур, вторые анализировали способы эскалации конфликта. Только с 2003 г. сильное дисциплинированное движение, использующее технологии ненасильственного протеста стало рассматриваться в качестве стратегии перехода от недемократического режима к демократическому (10). Теоретики ненасильственных протестов предлагают отказаться от дихотомии «насильственные — ненасильственные формы переходов к демократии» и анализировать ненасильственные действия как набор методов, отличающихся и от насильственной, и от институционализированной политики. Главными отличительными чертами таких движений являются, по их мнению, активная направленность на смену режима и неинституционализированность (в том плане, что протестные действия ведутся за пределами существующих институтов) [18].

СТРУКТУРНЫЙ И ПРОЦЕДУРНЫЙ ПОДХОДЫ ПРИ АНАЛИЗЕ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Среди глобальных и региональных сравнительных исследований таких режимных изменений, как демократические транзиты, перевороты, гражданские войны, преобладает структурный подход, в рамках которого в качестве независимых переменных рассматриваются различные хорошо операционализируемые (прежде всего социально-экономические) предпосылки и условия, способствующие попыткам смены режима. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, культурно-религиозными и другими контекстуальными переменными и началом, продолжительностью и результатами четко определенных событий. В таких исследованиях главным критерием для оценки влияния независимых переменных на событие будет статистическая значимость и коэффициент детерминации. Результатом количественных исследований обычно оказывается набор объективных условий, делающих вероятными режимные изменения. Данный подход исключает индивидуальные и коллективные мотивы акторов, которые могут осуществить смену режима, несмотря на отсутствие необходимых структурных факторов.

Использование структурного подхода представляется методологически верным, так как исследователи могут проверить большое число гипотез, однако у этого подхода есть недостатки. Среди главных — объяснение разных событий через одинаковые неполитические факторы и построение теорий на основе корреляций, которые не всегда верно указывают на наличие причинно-следственной связи и не определяют направление этой связи. Например, этническая фрагментация в разных исследованиях может стать причиной протестных действий, переворотов, этнической гражданской войны, сохранения авторитаризма или, наоборот, условием для появления общественной демократии (об этнической фрагментации и демократии см.: [1. С. 20—25]). Некоторые структурные факторы будут не только и не столько условиями события, сколько его результатами. Так, вражда между этническими группами может быть не причиной этнической войны, а ее итогом. Часто связь между переменными будет нелинейной параболической, например, связь между риском начала режимного изменения и политическим режимом (в группе риска будут гибридные режимы).

С целью преодоления проблем количественных исследований некоторые авторы используют новый сравнительный метод — качественный (конфигуративный) сравнительный анализ (*QCA*), позволяющий выделить сочетания необходимых и достаточных условий для исследуемых событий. Метод, подходящий для небольшого числа случаев, предполагает превращение всех переменных в категориальные (с двумя или реже тремя категориями) для составления таблиц истинности и выявления сочетаний переменных, которые приводят к искомому результату (он тоже принимает значения из булева множества). Если одни и те же сочетания приводят к разному исходу, границы категорий пересматриваются для исключения противоречивых результатов, что усиливает субъективность данного метода. В настоящий момент результаты применения качественного сравнительного анализа определяют уже известные конфигурации структурных факторов, выделенных статистическими методами.

Представители процедурного (акторного, волонтаристского) подхода объясняют режимные изменения через действия акторов и стратегию их поведения независимо от структурных условий. По их мнению, режимные изменения создаются не причинами, а «виновниками» и являются следствием рационального выбора и политической воли участников. Волонтаристы изучают проблематику коллективных действий, взаимообусловленность определенных решений акторов, поэтому они фокусируются на изучении отдельных случаев, что придает исследованиям дескриптивный характер. Однако акторы могут быть иррациональными, не обладать всей полнотой информации, могут идти против predetermined контекстом логики развития, совершить тактические или стратегические ошибки. Поэтому данный подход позволяет лучше анализировать события *post factum*, нежели предсказывать их наступление.

Преимуществом процедурного подхода является качественный анализ, позволяющий выделить фазы событий и изучить действия всех акторов на разных фазах. Следует учитывать, что фазы реализуются последовательно только в идеальных моделях. Так, выделяемые в идеал-типическом демократическом транзите фазы либерализации и демократизации могут проходить последовательно, одновременно или независимо. Фаза демократизации приведет к более эффективным результатам, если она осуществляется после фазы либерализации, однако есть немало примеров зависших после либерализации транзитов, откатов в авторитаризм или демократизации без либерализации.

Вместе с тем без определения контекста сложно оценить потенциал акторов и проанализировать возможность/невозможность реализации намерений. При этом поведение других акторов также становится важным контекстуальным фактором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев состояние исследований политических режимов и режимных изменений в контексте демократических транзитов, можно сделать следующее заключение. В настоящий момент в политической науке сложился определенный консенсус по вопросу концептуализации политических режимов (включая наиболее размытые гибридные режимы) и режимных изменений, однако согласие относительно операционализации режимных изменений, их условий и факторов не достигнуто.

Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между контекстуальными переменными и событиями, ведущими к режимным изменениям. Такие связи понимаются как структурные предпосылки режимных изменений, т.е. предпосылки, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями и действиями акторов. Статистические модели устанавливают значимые закономерности и выявляют независимые факторы, коррелирующие с режимными изменениями и последующим демократическим транзитом. Главной проблемой являются операционализация и измерение ключевых переменных и сложность объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. Режимные изменения могут начинаться и не начинаться при разных конфигурациях контекстуальных факторов, и сохранение или разрушение существующих институциональных рамок является следствием политической воли акторов. Именно ак-

торы могут предотвратить восстания и революции, способствовать демократизации и сдерживать разжигание конфликтов, однако политическая воля акторов, их стратегия и тактика пока могут быть исследованы только постфактум в качественных казусно-ориентированных или небольших (*small N*) исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Примеры трихотомии: свободный, частично свободный, несвободный режимы (проекты Дома свободы), автократия, анократия и демократия (проекты Полити), авторитарный, гибридный и демократический режимы.
- (2) Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800—2013. URL: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.
- (3) В среднем гибридные режимы существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [4. P. 900].
- (4) Количество изменений подсчитано автором по: [8].
- (5) В категорию проигранных выборов не входят случаи, когда военная хунта передавала власть гражданским и партия/группа лидера не участвовала в выборах (14%).
- (6) Организованный вооруженный конфликт в базе данных авторитарных режимов включает гражданские войны, революции и другие насильственные акты сопротивления авторитарному режиму.
- (7) Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д. Сингером и М. Смоллом. URL: <http://www.correlatesofwar.org>.
- (8) Это случаи Филиппин (1986), Сербии (2000), Грузии (2003), Украины (2004) и Кыргызстана (2005).
- (9) Так, несмотря на большое число попыток переворотов, на 9129 наблюдений в базе переворотов М.Маршалла приходится всего 322 попытки переворотов.
- (10) Летом 2003 г. в журнале «Политическая наука и политика» были опубликованы материалы симпозиума, посвященного ненасильственным протестным действиям, в котором приняли участие Т. Гурр, П. Акерман, С. Тэрроу, Дж. ДюВаль и др. [19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Кудряшова И.В.* Как обустроить разделенные общества // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 15—33.
- [2] *Харитонова О.Г.* Этнические войны и постконфликтная демократия // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 34—59.
- [3] *Belkin A., Schofer E.* Toward a Structural Understanding of Coup Risk // *Journal of Conflict Resolution*. 2003. Vol. 47. № 5. P. 594—620.
- [4] *Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H.* Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800—2000 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 4. P. 893—908.
- [5] *Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279—1301.
- [6] *Geddes B.* Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes // *Annual Meetings of the American political science association*. Chicago, 2004. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf> (Дата обращения: 5.3.2017) 32 p.
- [7] *Geddes B.* What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. 1999. № 2. P. 115—144.
- [8] *Geddes B., Wright J., Frantz E.* Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. № 2. P. 313—331.

- [9] *Hale H.* Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305—329.
- [10] *Kebsshul H.G.* Operation “Just Missed”: Lessons from Failed Coup attempts // *Armed Forces and Society*. 1994. Vol. 20. № 4. P. 565—579.
- [11] *Kendall-Taylor A., Frantz E.* How Autocracies Fall // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37. № 1. P. 35—47.
- [12] *Lane D.* The Orange Revolution: ‘People’s Revolution’ or Revolutionary Coup? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2008. Vol. 10. № 4. P. 525—549.
- [13] *Magaloni B., Kricheli R.* Political Order and One-Party Rule // *Annual Review of Political Science*. 2010. № 13. P. 123—143.
- [14] *Mahoney J., Goertz G.* The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. № 4. P. 653—669.
- [15] *O’Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
- [16] *Powell J.M., Thyne C.L.* Global Instances of Coups from 1950—Present // *Journal of Peace Research*. 2011. Vol. 48. № 2. P. 249—259.
- [17] *Powell J.M., Thyne C.L.* Coup d’etat or Coup d’Autocracy? How Coups Impact Democratization, 1950—2008 // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12. № 2. P. 92—213.
- [18] *Schock K.* The Practice and Study of Civil Resistance // *Journal of Peace Research*. 2013. Vol. 50. № 3. P. 277—290.
- [19] Symposium: A Force More Powerful // *PS: Political Science and Politics*. 2003. Vol. 33. № 2. P. 146—187.
- [20] *Thompson M.R.* Democratic Revolutions: Asia and Eastern Europe. N.Y.: Routledge, 2004. 180 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391

POLITICAL REGIMES AND REGIME CHANGES IN THE MIRROR OF ACADEMIC DISCOURSE

O.G. Kharitonova

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) under Ministry of Foreign Affairs of Russia
Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article reviews the state of the recent comparative research on political regime and regime changes and the democratization prospects after authoritarian regime breakdown. The main methodological problems facing the researchers of political regimes who use the regime variable in comparative research are the conceptualization, classification and operationalization of political regimes in which political changes may or may not occur. The author studies typologies of nondemocratic political regimes, the aspects of one-party, military and personalist regimes, their survival logic and the democratization prospects for every type of authoritarian regimes. Each type of authoritarianism has its own logic and inner dynamics, hence different regime-changing trajectories. Particular attention is paid to hybrid regimes as the most conceptually blurred category. Methodological problems of studying regime change include concept stretching, conceptualization of successes and failures and also the distinguishing of potentially relevant cases in order to increase the number of cases, since the events studied are rare events. The article proceeds to study the political changes from the perspective of democratic transition theories and discusses the advantages and disadvantages of two main approaches to studying political regime changes, i.e. the structure-oriented and the agency-oriented.

Key words: political regime, regime change, conceptualization, operationalization, structure approach, agency approach

REFERENCES

- [1] Kudrjashova I.V. Kak obustroit' razdelennye obshhestva. *Politicheskaja nauka*. 2016; 1. S. 15—33 (in Russ).
- [2] Haritonova O.G. Jetnicheskie vojny i postkonfliktnaja demokratija. *Politicheskaja nauka*. 2016; 1. S. 34—59 (in Russ).
- [3] Belkin A., Schofer E. Toward a Structural Understanding of Coup Risk. *Journal of Conflict Resolution*. 2003; Vol. 47; 5. P. 594—620.
- [4] Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800—2000. *American Journal of Political Science*. 2006; Vol. 50; 4. P. 893—908.
- [5] Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*. 2007; Vol. 40; 11. P. 1279—1301.
- [6] Geddes B. Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes. *Annual Meetings of the American political science association*. Chicago, 2004. Available from: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf>.
- [7] Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? *Annual Review of Political Science*. 1999; 2. P. 115—144.
- [8] Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Regimes and Transitions: A New Data Set. *Perspectives on Politics*. 2014; Vol. 12; 2. P. 313—331.
- [9] Hale H. Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies*. 2006; Vol. 39; 3. P. 305—329.
- [10] Kebshul H.G. Operation “Just Missed”: Lessons from Failed Coup Attempts. *Armed Forces and Society*. 1994; Vol. 20; 4. P. 565—579.
- [11] Kendall-Taylor A., Frantz E. How Autocracies Fall. *The Washington Quarterly*. 2014; Vol. 37; 1. P. 35—47.
- [12] Lane D. The Orange Revolution: “People’s Revolution” or Revolutionary Coup? *British Journal of Politics and International Relations*. 2008; Vol. 10; 4. P. 525—549.
- [13] Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule. *Annual Review of Political Science*. 2010; 13. P. 123—143.
- [14] Mahoney J., Goertz G. The Possibility Principle: Choosing Negative Cases in Comparative Research. *American Political Science Review*. 2004; Vol. 98; 4. P. 653—669.
- [15] O’Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. 81 p.
- [16] Powell J.M., Thyne C.L. Global Instances of Coups from 1950—Present. *Journal of Peace Research*. 2011; Vol. 48; 2. P. 249—259.
- [17] Powell J.M., Thyne C.L. Coup d’etat or Coup d’Autocracy? How Coups Impact Democratization, 1950—2008. *Foreign Policy Analysis*. 2016; Vol. 12; 2. P. 92—213.
- [18] Schock K. The Practice and Study of Civil Resistance. *Journal of Peace Research*. 2013; Vol. 50; 3. P. 277—290.
- [19] Symposium: A Force More Powerful. *PS: Political Science and Politics*. 2003; Vol. 33; 2. P. 146—187.
- [20] Thompson M.R. *Democratic Revolutions: Asia and Eastern Europe*. N.Y.: Routledge, 2004. 180 p.

© О.Г. Харитонова, 2017

Сведения об авторе:

Харитонова Оксана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. Электронная почта: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Information about the author:

Kharitonova Oxana — associate professor, PhD (political science), MGIMO University, Russian Federation. E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2017.